

(усадьба в Захарове)

НАСЛЕДИЕ ▽

«МНЕ ВИДИТСЯ МОЕ СЕЛЕНЬЕ, МОЕ ЗАХАРОВО...»

Юбилеи великих людей уже тем хороши, что после них (юбилеев) что-то остается. Материальное в том числе: памятники, музеи, восстановленные и отреставрированные мемориальные места, до которых в обычное время руки не доходят. Можно сказать, юбилеи — мощные двигатели музейного прогресса.

Нет никакой возможности (и надобности) перечислять все, что сделано в память об **Александре Сергеевиче Пушкине** в связи с его 200-летним юбилеем. Я расскажу лишь об одном из таких памятных мест, которое пока мало кто видел. Со времен, кажется, самого Пушкина. Я имею в виду Захарово в подмосковном Одинцовском районе. Александр Сергеевич последний раз мельком увидел милые его сердцу места в 1830 году и очень огорчился, застав разруху и запустение. Да и усадьба давно уже не принадлежала его семье. Потом долгие годы на месте дома просто был пустырь, а парк дичал и превращался в заурядный лес.

Согласитесь, даже как-то обидно: все знаменитые пушкинские села — Михайловское, Тригорское, Болдино — находятся далековато от Москвы, его исконной родины. А ведь всего в 44 километрах от столицы, близ станции Голицыно, что по Белорусской железной дороге, находится село, где Пушкин впервые вдохнул воздух русской деревенской жизни и светлый образ которого он пронес потом через всю жизнь.

16-летней юношей в послании к своему лицейскому товарищу, **Юдину**, поэт писал:

*Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно с заборами
в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад,
Где вместе Флора и Помона
Цветы с плодами мне дарят...*

Увы, для Пушкина тогда это уже было только в мечтаниях. Захарово было продано еще в 1811-м, в год его поступления в Лицей. Похоже, любящая внуков бабка по материнской линии, **Мария Алексеевна Ганнибал**, специально для них его и покупала. В 1804 году у вдовы надворного советника **Тинькова** она приобретает за 28 тысяч рублей село Захарово Звенигородской округи, близ Больших Вязем, вместе с 910 десятинами земли и 60 душами мужского пола. С той поры последующие пять лет, с мая по сентябрь, семья Пушкиных всегда живет в Захарове. В соседних Вяземах, куда относился их приход, похоронен младший брат Пушкина **Николай**, умерший

в возрасте 6 лет в июле 1807 года, и о котором Пушкин всегда с теплотой вспоминал.

Бабушка, **Мария Алексеевна**, сыграла в жизни поэта, в формировании его души огромную и, кажется, до сих пор еще недооцененную роль. Она постоянно была с дочерью, **Надеждой Осиповной**, и ее детьми не только в Захарове, но и в Москве, и в Петербурге, пока не умерла в Михайловском в 1818 году. Все знают **Арину Родионовну** (кстати, нянькой Александра Сергеевича в раннем возрасте была совсем другая женщина — крепостная **Ульяна**, Арина Родионовна ухаживала за его старшей сестрой **Ольгой**), но мало кто догадывается, что под "мамушкой" ("Ах! умолчу ль о мамушке моей...") он подразумевает скорее всего именно Марию Алексеевну. Несмотря на свою нерусскую фамилию (она была женой сына "арала Петра Великого" — **Осипа Абрамовича Ганнибала**), Мария Алексеевна являлась урожденной Пушкиной, а мать ее принадлежала к древнему дворянскому роду **Ржевских**. Современники вспоминают ее как женщину образованную, чисто русского облика, языка и ума. **Дельвиг** восхищался ее языком, читая письма бабушки к лицеисту-внуку.

Именно Мария Алексеевна научила Пушкина в возрасте 5 — 6 лет читать и писать по-русски. Именно от нее он услышал первые русские сказки и колыбельные песни. По словам биографа поэта **П.Бартенева**, она "любила вспоминать старину, и от нее Пушкин слышался семейных преданий, коими так дорожил впоследствии". А если к этому мы прибавим детские впечатления от деревенской жизни, деревенских праздников и игр, народных гуляний и народных песен, мы поймем, что такое Захарово для самого Пушкина и для русской поэзии вообще.

*Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,*

*Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы...*

Теперь мы обретаем Захарово заново. На фундаменте прежнего барского дома вновь отстроен двухэтажный особняк достаточно скромного (но, как утверждают архитекторы, очень похожего) вида: с четырьмя колоннами, с башенкой, весьма аккуратно и любовно скроенный (строительные работы продолжаются и поныне). Вряд ли дом мог выглядеть и быть отделанным точно так, особенно изнутри, — дощечка к дощечке, местами даже вагонкой, видно, здесь трудились большие мастера. Ну да ничего — бесценные экскурсии быстро его состарят...

Приведен в порядок и вычищен парк, ухожены дорожки, разбиты цветники, благоустроен пруд — на нем есть даже беседка в старинном духе. В глубине одной из аллей встречаешь вдруг и самого юного Пушкина в поэтической задумчивости, как живого, но... увы, в бронзе.

В дни пушкинского юбилея в Захарове успело побывать уже немало гостей. Мне довелось туда приехать с группой писателей, которые как бы открывали для себя новую литературную Мекку. Хлебом-солью встречали жители Одинцовского района, глава районной администрации **Александр Гладышев**, самостоятельные артисты в русских национальных костюмах поэтов **Станислава Куняева**, **Владимира Фирсова**, **Андрея Шацкого**, **Игоря Зуева**, известного критика **Александра Казинцева**, барда **Андрея Чиркова**, выдающегося современного китайского поэта, впервые переведшего Пушкина на язык иероглифов, **Гао Мана** и др.

А вечером писатели вместе с известными исполнителями и местными самодеятельными артистами дали в Одинцове большое литературно-музыкальное представление. Праздник получился достойным памяти великого поэта. Местные жители, кажется, только теперь по-настоящему осознали себя его земляками.

Ярослав ЯРОПОЛОВ.
Фото
Д. ЛИННИКОВА.